

Происхождение князя Скопина-Шуйского

Отец Михаила, князь В.Ф. Скопин-Шуйский, боярин, воевода и новгородский наместник, известный полководец Ливонской войны, один из героев псковской обороны от короля Батория, умер в годы младенчества своего сына.

Такое происхождение было, конечно, хорошим “жизненным стартом”. Оно обеспечивало будущему народному герою самые высокие места в служащей и военной иерархии Российского государства. То есть давало возможность в полной мере проявить все свои способности.

Начало жизни княжича Михаила соответствовало происхождению. В детстве домашнее воспитание, как отмечали современники, “на новый уряд, с грамотою и цифирью”; с отрочества — придворная служба. К моменту кончины Годунова, тогда Михаилу было 17 лет, он был уже стольником. Чин не по годам высокий в тогдашней придворной служебной “лестнице”.

Лжедмитрий I, воцарившийся с помощью Шуйских, ввел юного Михаила в состав Сената, который он учредил на месте прежней Боярской Думы; пожаловал его, единственного из всех своих придворных, званием “великий мечник”, а главное — доверил ответственейшее дело; привезти в Москву из монастырского заточения инокиню Марфу — бывшую царицу Марию Нагую, вдову Ивана Грозного и мать царевича Димитрия. Одно-единственное слово этой женщины могло стоить Самозванцу не только короны, но и головы. И в то же время без ее благословения он рисковал тем же самым. Поэтому очевидно, как доверял он молодому Скопину. Несомненно, что такое тонкое и щекотливое дело в любом случае требовало от его главного исполнителя незаурядных дипломатических способностей.

После гибели первого Самозванца и воцарения Василия Шуйского Михаилу неоднократно доверялось самостоятельное военное командование в развернувшейся тогда так называемой Первой Крестьянской войне. Говоря иными словами — первой гражданской войне в объединенной России. В качестве самостоятельного воеводы он сыграл решающую роль в разгроме войск И. И. Болотникова под Москвой, в частности в решительной битве при деревне Котлы, а затем и при взятии последнего оплота повстанцев — города Тулы. За это он в свои двадцать лет был возведен в высший государственный сан Российского государства — “сказан боярином”. Это чуть ли не единственный случай за все время существования боярства — сословия высших государственных сановников. Конечно, боярство давалось, “сказывалось”, только членам самых родовитых семей, но не всем подряд, а лишь избранным, за особые заслуги перед государством.

Продолжение в следующей главе…